

Из 68 лет своей жизни 58 я связан с этим городом. Это ведь, свыше четверти всей его истории. За такой срок даже самый малонаблюдательный и чуждый общественной жизни человек, может заметить немало деталей, которые представляют интерес для исследователей. О себе же без лишней скромности скажу, что общественной жизнью всегда интересовался, кой-что читал по истории Урала, жил не только в нашем городе, но и в других городах области, что дает мне возможность сравнительной оценки явлений жизни, относящихся к одному периоду времени.

Правда, наблюдения беспорядочны, бессистемны, никак не направлены и, главное, не закончены. Ни одно из этих наблюдений не смогу обосновать, как должно, но все-таки думаю, что они могут заинтересовать особенно молодых участников конференции, предполагающих заняться исследовательской работой по истории нашего города и всего горнозаводского Урала.

Чувствую, что здесь есть элементы сходства с действиями чеховского персонажа из «Канители». Там старый дьячок, запутавшись в показаниях своей не менее старой клиентки о живых и мертвых, решает записать всех на одну бумажку и снести ее дьякону. Пусть он разберет, кто тут живой, кто мертвый. Он в семинарии обучался.

Вот и я хочу предложить вашему вниманию какую-то часть интересовавших меня вопросов, а вы, овладевшие научным методом работы, сами уж разбирайтесь, что тут живое, стоящее исследования, что мертвое, которое можно отбросить.

Прежде всего, хотел бы поставить вопрос об основных источниках по первоначальной истории нашего города и уральской горнозаводской промышленности.

Основатели и строители города В. Н. Татищев и В. Генин были оба «письменные люди». Оба оставили огромное количество записей, инструкций, описаний, по которым обычно принято представлять картину возникновения города и уральских заводов XVIII века.

Особенно много осталось рукописного материала от Генина. Материал этот, носивший название то «юрналя», то «абрисов», печатался в 30-х годах прошлого столетия в «Горном журнале», а в 1937 г. издан отдельной книгой «Описание уральских и сибирских заводов 1735 года» с предисловием академика М. А. Павлова и вводной статьей М. Ф. Злотникова.

Самый факт переиздания работы Генина в наше время уже говорит о многом. Обширную статью Злотникова нельзя назвать иначе, как панегириком Генину. Там Генин превозносится, как организатор, строитель, руководитель, ученый, историк. Для контраста, видимо, приводятся отрицательные высказывания о Демидове, в свете которых Генин становится еще выше.

Академик М. А. Павлов в предисловии предупреждает, что Генин не мог знать основных металлургических процессов – окисления и восстановления, – так как в его время еще не был открыт кислород, а теория горения была создана через 45 лет после того, как закончены были «Абрисы». Отмечает в предисловии и другой конфузный недостаток. Оказывается, Генин в 1723 году дал такие штаты для передела чугуна в железо, что расход топлива был выше, чем при

существовавшем тогда в так называемых «мужицких заводах» сыродутном способе выплавки железа непосредственно из руды. Иными словами говоря, расчеты Генина были такими, что и домны строить незачем. Кроме того, академик Павлов сообщает, что через 9 лет после окончания Гениным своих «Абрисов» на Невьянском заводе Демидова была задута домна, которая по своей производительности превышала генинские домны чуть не в 5 раз (давала по 15 тонн, когда генинские должны были давать по 4–5, а часто давали лишь по 3 тонны).

Все это говорит, что металлургические познания этого специалиста не так уж были велики. Об этом можно судить и по его собственным словам. В прошении, посланном 10 мая 1697 г. на имя послов Петра в Амстердаме, Генин писал о себе: «от юности научен и ныне основательно разумею архитектуру гражданскую, домов строение, делание всяких потешных огнестрельных вещей, – изображения в воску делать, японскою олифой крашенные соломою изображения преизрядно на бумаге вырезывать и прочие хитрости и благосклонен есть к Москве ехать на службу его Царского Кесарского Величества, дабы при оном дворе помянутые хитрости исполнить».

Отсюда видно, что Генин был архитектор и артиллерист. Он и получил назначение фейерверкером с жалованьем по шесть рублей в месяц (по другим известиям – 67 руб. в год), обучал молодых дворян артиллерии, участвовал при взятии Выборга, строил укрепления при Гангуте, отличился при взятии Кексгольма, за что получил деревню и 60 дворов, затем достраивал в С.-Петербурге на Петербургской стороне литейный двор и заводы, в 1713 г. был комендантом и начальником Олонецких заводов, в 1721 г. строил Сестрорецкий завод, с 1723 до марта 1734 г. Генин был на Урале.

Надо думать, Генин умел ладить с людьми и очень внимательно относился к чужому опыту. Как говорится, не стыдился учиться. Не было у него и большого пристрастия к иностранцам только потому, что они иностранцы. В одном из писем Петру он так говорит о вывезенных из Саксонии мастерах: «Саксонские мастера, или не знаю как назвать, или ученики, которых Райзер принял сюда, прибыли. Я оных определил, куда надлежало. То-то надлежало бы там людей прежде хоть словами экзаменовать, а потом принять, чтобы время и деньги не пропадали, а которые нужны мастера, Райзер позабыл привести». С другой стороны, Генин умел правильно оценивать высокие качества русских мастеров. Уезжая на Урал, он вез с собой не только иностранцев, но многих русских мастеров и учеников с Олонецких заводов. Как сын своего времени, он был и жесток там, где ему ничто не грозило. Безжалостно расправляясь с ослушниками, Генин разорял существовавших на Урале мелких промышленников, которые «крицы плавил в малых печах, платили десятину в казну» и все-таки имели заработок выше любого рабочего на казенных заводах. Зато в столкновении крупного уральского заводчика Демидова с Татищевым Генин нашел способ так «защитить» Татищева, что этим больше всех оказался доволен Демидов и в дальнейшем помогал Генину при строительстве заводов.

Если к этому прибавить, что Генин был взяточник, как большинство влиятельных людей того времени, и был аккуратен в выплате положенного рабочим, то немудрено, что при таких качествах за 11 лет своей работы на Урале он прочно завоевал себе имя умелого строителя, прекрасного администратора, тонкого специалиста и чуть не бескорыстного слуги Петра. Своими постоянными жалобами на безденежье и «утесненное» материальное положение Генин сумел внушить всем эту мысль о бескорыстии, что не помешало ему к концу жизни оказаться, по уверению Полетики, богатым человеком.

Последний разрыв между **быть и казаться** заставляет во многом пересмотреть характеристику Генина, как строителя, как металлурга и особенно, как историка.

Заслуживает внимания, что Генин не очень стеснялся рассказывать о своих заслугах. Почти в каждом письме царю он чем-нибудь хвалился и чего-нибудь выпрашивал. При чем иногда выпрашивание идет через второе лицо. Так адмиралу Апраксину Генин многозначительно сообщает: «Через выдуманные от меня машины государю прибыли 5000 рублей в год приходит, а иной немчин взял бы за строение таких машин 5000 рублей в год, и лет бы 10 у такого дела работал». А после этого: «Пожалуй, побей челом светлейшему князю, чтобы он добрым словом заступил за меня, чтобы ты меня чем-нибудь подарил, а на здешнем славном воеводстве я вино и овес своим лошадям покупаю. Чаю, прежде, оно не покупали». Иногда это делалось тоньше. Так в одном из писем Петру Генин говорит: «И благодарю бога, что русской нации, в такое краткое время, при малом числе иноземцев, учатся и обучились, что уже могут такие великие заводы, фабрики и горное дело (на Урале) с ними в действе управлять, хотя не так, как надлежало, однакож с хорошей прибылью».

Похоже, что просто радуется сметливости и одаренности русских рабочих, а в сущности выхваляет себя, как искусного руководителя, который уже может сделать еще больше. Ясно, что такого руководителя рано отпускать на родину, а надо «пожаловать и чем-нибудь подарить». Эти слова хоть не поставлены, но легко подразумеваются.

Отправляясь с Урала, Генин берет с собой железо с казенных заводов «для об'явления, каково по нонешнему, сысканному от меня маниру в смеси чугунов делается». Генина ничуть не смущает, что именно в эти годы иностранные купцы Шафнер и Вульф доносили коммерц-коллегии (16 марта 1733 г.), что «казенное железо делают на заводах не гладко, в иных местах горбовато, и в пропорции широты и толстоты в одной полосе весьма неровно и не так мягко, как демидовское, которое делается гладко, подобно как бы писано было, и как в толстоте, так и в широте, весьма ровною пропорциею, и в доброту и в отделке состоит лучше».

Эту черту иноземных специалистов и, в частности, Генина приписать себе больше, чем сделали, ярко отметил В. Н. Татищев. Он вносил на утверждение императрицы свое представление о замене немецких наименований горных чинов русскими. Там Татищев писал: «...Усмотря, что от бывших некоторых саксонцев в построении заводов все чины и рабочие, яко

же и снасти, по немецки названы, сожалея, чтобы слава и честь отечества и его труд теми именами немецкими утеснены не были, ибо по оным немцы могли себе неподлежаще в размножении заводов честь привлекать, еще из того вред усмотря, что незнающие тех слов впадали в невинное преступление, а дела во упущение, яко полномоченный все такие звания оставил и велел писать русскими».

Это представление Татищева, разумеется, не было утверждено. «Герцог Курляндский» (Бирон) «так сие зло принял, что не однажды говаривал, яко Татищев главный злодей немцам». Может статься, что здесь, действительно, сказалось личное отношение Татищева к Генину и другим немецким специалистам его группы, но Татищев был прав в своем выводе, что даже этим путем немцы хотели «себе неподлежаще в размножении заводов честь привлекать».

Выставляя себя на первый план, Генин старательно замалчивал о всех других. Даже в таком разделе, как «Плотинное дело», где он вынужден был оперировать только русскими производственными терминами: брус, ларь, понурый мост и т. д., Генин ухитрился не отметить главного. В одном месте даже написал: «А плотину, завод и мануфактуры строю крестьянами, которые приписаны к заводам, из трех дворов по человеку».

Выходит, строил он, Генин. Он же дал указания о выборе места и о способах строительства плотин. В действительности же известно, что место для екатеринбургской плотины выбирал Татищев, а строил ее и верх-исетскую плотинный мастер Злобин, посланный Демидовым.

Подробность не маловажная. Забыть ее никак нельзя. Особенно потому, что перед этой постройкой была другая, на Патрушихе, для Уктусского завода. Там выбор места производился Близром, Михаэлисом, но выбор оказался неудачным и построенная на маленькой речушке плотина выдержала лишь один паводок.

Местами можно видеть не только подобное замалчивание важнейшего, а и определенные передержки. Например, в письме Петру Генин отрицательно отзывался о медном руднике Демидова, делая вывод, что «медное дело явилось негодно». Не раз повторял это и расхваливал яйвинские руды и особенно возлагал большие надежды на Пыскорский завод. Принадлежащее этому заводу месторождение обследовалось иноземными специалистами, а при строительстве было столько таких специалистов, как ни на каком другом. Есть сообщение, что Генин пытался взять этот завод, привлекая к участию Строганова. Так ли это, судить не берусь, но несомненно, что в противовес Демидову Генин выдвигал свое, возлагая большие надежды на яйвинские руды и Пыскорский завод. История же показала, что демидовское дело, которое «явилось негодным», заняло на сотню лет ведущее место в русской медной промышленности, а яйвинские руды оказались пустяком, и Пыскорский завод был закрыт. Оправдались лишь надежды Генина на Гумешевский медный рудник, который действительно много дал, но уже после того, как попал в руки к русским мастерам, принесшим свои навыки и в разработке руды и в плавке.

Кроме записей Генина, другим основным материалом по истории города и уральской горнозаводской промышленности, ее начального периода является литературное наследие Татищева. Материал еще более обширный, безусловно, ценный, но тоже требующий критической оценки советских историков.

Василий Никитич Татищев – один из ярких представителей образованного дворянства петровского времени, инженер, администратор, просветитель, первый русский историк, имел и немало недостатков. Не собираясь здесь воскрешать вспыхнувший в 70-х годах прошлого столетия спор о сравнительных достоинствах Генина и Татищева, но должен отметить, что в одном они сходились. Тот и другой склонны были своим «я», своими приказами, инструкциями, распоряжениями затенять все остальное. У того и другого одинаково нельзя найти сведений о тех рабочих и мастерах, которые внесли вклад в заводское дело на Урале.

Это одностороннее освещение истории строительства города и развития горного дела, повторенное Нилом Поповым, Н. К. Чупиным и очерком Мамина-Сибиряка, стало привычным для нас. Каждый, кто интересовался историей города, знает, что его строителями были Татищев и Генин, каждый узнает и об участии иноземных специалистов в развитии металлургической промышленности: о пленных шведах, о саксонцах и проч., а имя плотинного мастера Злобина выплыло лишь в порядке оправдания Демидова, что он не отстранялся от строительства казенных заводов и давал своих мастеров, в том числе Злобина, который построил обе плотины. Между тем, такое строительство на сравнительно большой реке было для того времени сооружением выдающимся, и мастер, который все это рассчитал и осуществил, должен быть поставлен в ряду не ниже Генина и Татищева. При этом, надо еще раз напомнить, что, если в металлургии трудно установить, что заимствовано из Европы, что развилось из существовавших издавна ремесленных навыков, то в строительстве плотин этого нет. Здесь, как и отмечал Генин, не могли пользоваться опытом Европы по климатическим особенностям Урала. В силу этого, значимость первых опытов по строительству больших плотин огромна. О первых строителях таких плотин, об истоках их знания и опыта, о их ближайших сотрудниках хотелось бы знать не меньше, чем о Бльерах, Михаэлисах, Розе и проч.

Это, мне кажется, должно быть первым и самым главным выводом из сказанного. Историкам надо направить свои поиски в сторону тех творческих исполнителей, которые мало или вовсе не показаны в материалах генералов-строителей.

Б. Кафенгауз в статье «Строительство первых уральских заводов» говорит: «Д. Кашинцев в своей истории уральской металлургической промышленности подчеркивает большое значение таких мелких уральских заводов, как Ницинский, Красноборский, а также отмечает роль местных уральских кузнецов. Он говорит также о перенесении опыта металлургических предприятий из центра на восток, но не подтверждает этого конкретными данными».

Приведенный в его статье материал восполняет этот пробел. Именно в «русских» мануфактурах и в меньшей степени в ремесле и сельских промыслах надо усматривать предпосылки успешного развития петровских металлургических заводов на Урале. Предпринимательская деятельность Никиты Демидова в Невьянском заводе на первых порах также должна быть определена, как использование тульских и подмосковных крупных заводов в новом строительстве на Урале.

При этом направлении поисков не только открывается много нового, но и материал, так или иначе известный, получает другое звучание.

Например, по Коллюпанову известно, что первым строителем Невьянского завода был московский садовник Вакулин. Собранные Кафенгаузом материалы показывают, что это не совсем так. Прежде, чем стать садовником, Семен Куприянович Вакулин был компаньоном московского «гостя» Воронина, которому принадлежали Павловские заводы. Там Вакулин ведал строительством, переносил завод на более удобное место, строил плотину, доменную печь, молотовой амбар и т. д., т. е. имел большой строительный опыт. Еще богаче оказалась расшифровка имен мастеров, выпустивших первое уральское железо. В воеводском донесении по этому поводу сказано: «а то железо работы обоих молотовых мастеров Сеньки Петрова и Оверчки Тумакова и за их мастерскими клеймами».

По архивным изысканиям удалось установить, что они оба с того же Павловского завода, где, видимо, составлялось основное ядро строителей Невьянского завода. Судя по записям, составленным по их опросу, это были специалисты высокой для того времени квалификации.

Так один из Петровых (Степан, а не Семен) говорит о себе: «делает он из криц, рассекает и кует связное и прутовое железо, а иного опричь того мастерства не делает», чинит горны и молоты, получает по 6 денег с пуда, а во время остановок завода из-за недостатка угля или чугуна получает за такие прогульные дни по полтине за неделю.

Уже одна задельная плата показывает, что человек был высокой квалификации. Что касается Аверкия Тумакова, то это был не только специалист «по связному и прутовому железу», но мог планировать производство. Он рассчитал, сколько можно выковать железа при домне определенного размера, сколько потребуется рабочих и какой квалификации, подсчитал даже, во сколько обойдется пуд железа (3 алтына 4 деньги 11 коп. при производительности в 80 т. пудов).

Не менее интересны и многозначительны сведения о Пиленке. Этот суздальский ремесленник сначала со своими братьями, дядьями, и племянниками, всего 47 человек, делал ружья и продавал на Макарьевской ярмарке, потом оказался строителем оружейного двора вблизи Тобольска, а дальше Никифор Пиленок значится в числе строителей Каменского завода.

Таких примеров из работы Кафенгауза можно привести очень много, но все они говорят об одном: поставленный им тезис вполне подтверждается подобранным материалом, и развертывание исследовательской работы в этом направлении может совсем по-иному

представить историю нашего города и уральской горнозаводской промышленности, выдвинуть новые имена, которые до сих пор оставались в полной неизвестности.

Приведу пример из истории гранильного производства. Принято представлять, что здесь дело шло так же, как в металлургии: пленный швед Рэф и другие иноземные специалисты показали, русские переняли. Но вот факты. Одним из первых иноземных специалистов считается Реснер. Он обучал камнерезному искусству в течение 9 лет, но потом был уволен «за незнание шлифовальных машин», которые стал строить какой-то Бахирев. Кто он был и почему оказался более сведущим, чем иноземный специалист, у кого учился, – все это нам неизвестно.

Или другой факт. П. Н. Зверев в 80-х годах обследовал гранильный промысел в Березовске. Он отмечает, что там уже третье поколение Ошукowych занимается этим делом, а они, по семейным преданиям, учились у Черепанова, тот, в свою очередь, у Брусницына, а у кого учился последний и почему он стал родоначальником березовских гранильщиков, ответа нет.

Мало того, в этой отрасли камнерезного и гранильного искусства можно указать участки, где позаимствования были совершенно невозможны. Такова, например, малахитовая мозаика, таково понятие, известное в гранильном деле под названием «екатеринбургская грань». Совершенно не исследован вопрос о возникновении ремесла искровщиц в Березовском заводе.

Мне думается, что глубокое изучение деталей подобного рода по-новому поставит вопрос о росте и развитии нашего города в прошлом, о воздействии города на заводские селения и, наоборот, заводских селений на город.

Известно, росту города в огромной степени содействовало то обстоятельство, что здесь был организован административный центр металлургической промышленности Урала. Этот административный центр под разными названиями: Обер-берг-ант, Канцелярия горного правления, Уральское горное управление – держался здесь до Октябрьской революции. Широкие права, данные этому центру с первых лет его организации, впоследствии значительно сузились, но все же Екатеринбург не потерял значения центра для огромной территории. В сферу влияния Уральского горного управления входили 6 казенных заводских округов и 22 округа частновладельческих. Чтоб ясней представить об'ем, напомним, что в каждом из казенных округов было не по одному заводу. Например, в Екатеринбургский округ входили, кроме Екатеринбургской механической фабрики, Каменский и Нижне-Исетский металлургические заводы, а также Березовское золоторудное месторождение; в Златоустовский казенный округ, кроме Златоустовского и оружейной фабрики, входили Кусинский, Саткинский, Артинский заводы и обширная площадь Миасских золотых промыслов.

Не останавливаясь больше на перечне заводов, входивших в казенные округа, скажу лишь, что среди частновладельческих, точнее, посессионных, имелись такие, которые по своей производственной мощности далеко превосходили казенные. Таковы: Тагильский, Верх-Исетский, Алапаевский, Кыштымский, Сысертский, заводы Всевожского, Лазарева и др. Эти

заводы частновладельческого сектора, правда, находились в ином отношении подчинения, но и они не могли считать себя свободными от екатеринбургского горнозаводского центра. Если прибавить к этому, что в подчинении Уральского горного управления были еще 15 заводских округов, расположенных на территории б. Оренбургской губернии, то станет ясным положение Екатеринбурга, как административного центра. Развитию этого центра сильно мешало, что он до революции оставался уездным городом Пермской губернии, хотя по своему влиянию и даже по числу населения превосходил свой губернский центр. На этой почве шла борьба, принимавшая иногда анекдотические формы. Анекдоты на тему, кто выше – губернатор или начальник Уральского хребта, можно не повторять, как общеизвестные, а в действительности это был серьезный фактор противодействия росту нашего города. Это лишало город многих учреждений и кредитов, полагавшихся по штату губернских городов.

Были и другие факторы административного противодействия росту города. Приведу два.

В городе с 1765 года работала гранильная фабрика, штаты которой после падения крепостничества были сокращены вдвое, а в дальнейшем и вовсе работа была прекращена.

Вместо организованных Гениным фабрик якорей и посуды, здесь, как видно под влиянием действительных потребностей заводской промышленности, возникла механическая фабрика, изготовлявшая инструменты и оборудование для заводов. Так в «Памятной книжке для русских горных людей за 1862 г.» значится, что на этой фабрике делались паровые машины, воздухоудные, турбины на 30 и 60 сил для сжимания воздуха, долбежные, стволосверлильные, пушечно-сверлильные, токарные, гуртильные, шепинг-машины, станки для сжимания хвороста, центрования орудий, под'емные винты, воздухоудные чугунные цилиндры, ножницы для резки железа, запасные части паровых машин, паровой молот, вертикально-сверлильные станки.

Количество изготовленного и размеры кажутся мизерными на современный взгляд, но для своего времени эта фабрика была явлением значительным, и для города был большой урон, когда ее тоже закрыли. О причинах не помню, но, кажется, признали, что незачем правительству опекать этим путем заводы.

Итак, положение уездного города и такие меры, как закрытие механической фабрики, сокращения работ и последующее закрытие гранильной, мешали росту города, но он тем не менее развивался по масштабам того времени очень быстро. По переписи 1897 года он имел свыше 55 тысяч населения, когда губернский центр Пермь насчитывал лишь 45 тыс., а остальные имели от 2 (Оханск) до 20 тысяч (Ирбит). Аналогичную цифровую картинку дала и перепись 1910 года, когда наш город имел уже 70.000, попрежнему выделяясь своей величиной среди губернских городов, не говоря об уездных.

Несмотря на такие факторы противодействия, город рос с исключительной быстротой. За 13 лет, от переписи 1897 года до переписи 1910 года, население увеличилось почти вдвое (вместо 55 тысяч стало 70 тысяч). Такой выдающийся, в условиях прошлого, рост города заслуживает

специального исследования. Мне же представляется, что главной движущей силой здесь является воздействие на этот ближайший центр со стороны окружавших его заводских и горнорудных поселков.

Закрылась механическая фабрика, но потребность в новом оборудовании и ремонте старого осталась, как и привычка удовлетворять эту потребность в Екатеринбурге. Этот спрос вызвал и предложение: вместо казенной механической возникло несколько частновладельческих.

У меня нет цифровых данных об их производительности, но по внешним показателям и по числу занятых в них рабочих фабрики Ятеса, Беренова, Круковского, каждая в отдельности, могли давать не меньше, чем закрытая казенная.

То же самое получилось и в результате сокращения работ гранильной фабрики. Навыки окрестных горщиков, их тяготение к Екатеринбургу, опыт мастеров, работавших раньше на фабрике, – все это широко использовано частными предпринимателями. В городе возникло несколько магазинов камнерезных и ювелирных изделий. Владельцы этих магазинов, изменив ассортимент в сторону широкого потребителя, нашли выход не только за пределы Урала, но и за пределы страны. Именно после падения крепостничества и появилось в Европе понятие «екатеринбургская грань». Ясно, что при таком положении число занятых в производстве этого вида не сократилось, а скорей увеличилось.

Действовала, очевидно, и образовавшаяся уже здесь сравнительная плотность населения. С городом почти сливался Верх-Исетский завод, близко были расположены Нижне-Исетский и Березовский. Каждый из этих заводских поселков по объему равнялся 2–3 уездным городам среднего масштаба. Такое скопление городского населения требовало обслуживания. Сюда шли не только строительные рабочие и ремесленники разных квалификаций, но и кадры другого рода.

В 80-х годах в городе было несколько частных библиотек, газета здесь возникла еще в то время, когда общее число периодических изданий (с «Губернскими ведомостями» и «Епархиальными ведомостями») едва перешло за 200 по всей стране, были здесь и платные школы и даже платные лечебницы, типа неплохо оборудованные для того времени предприятий. Это, конечно, показывало, что купеческие заправилы города меньше всего склонны были «тратиться на просвещение и санитарию», но в то же время расширяло влияние города на периферию, способствуя росту города. Обращало внимание сравнительно большое количество присяжных поверенных. Объяснялось это, по-моему, тем, что большинство из них были представителями того или другого заводского округа, т. е. являлись порождением особых условий горнозаводской жизни.

Строительные рабочие и ремесленники, пришедшие как сезонники, нередко оседали на постоянное место жительства. Некоторые из них становились подрядчиками, охватывавшими своими артелями довольно широкий круг рабочих. Понятно, что такие стремились обосноваться в основном в центре работ и порой находили новые пути использования уральских особенностей.

Мне вот приходится ходить к трамвайной остановке по улице Большакова. Через щели забора в одном дворе до сих пор вижу плиты и обделанные глыбы мрамора. Это напоминает мне, что в городе, кроме двух-трех магазинов в гостином дворе, торговавших изделиями Мраморского завода, было немало арендованных пустырей, где тоже можно было видеть такие изделия: могильные плиты, части памятников. Это говорило, что количество желающих эксплуатировать труд мраморских кустарей значительно увеличилось, но вместе с этим расширился быт и увеличился спрос.

По Красноармейской улице, в самом неподходящем месте вижу новый облицовочный гранит. Видно, что это брак, но он напоминает, что тут жил подрядчик, который сбывал цокольный камень и облицовочный гранит не только в пределах города, но и нашел для него выход в другие города. Опять пусть маленькое, но увеличение рабочих города.

Таких примеров можно бы привести много даже при поверхностном наблюдении жизни города в 90-х годах и при первом десятилетии нашего столетия, но дело не в их перечне. Они лишь показатель, что подобного рода процессы происходили и в начальный период истории города, но не всегда отмечены, а иногда и вовсе оставлены без внимания прежними историками.

Это легче всего подтвердить фактами из истории уральской золотой промышленности.

Как известно, золото впервые нашел в нашей стране Ерофей Марков в 1745 г. Этот Марков занимался поиском строганцев и тумпасов, т.е. ограночного материала. Делал это, очевидно, не в порядке забавы, а ради заработка.

Значит, в ту пору, за 20 лет до официального открытия в городе гранильной фабрики, здесь уже были гранильщики, на которых можно было работать поисковику. Кто они? У кого учились? Не у Реснера же, который «уволен за незнание шлифовальных машин».

Дальше в истории Маркова обращает внимание подробность, что он, прежде всего, пошел для оценки своей находки к «серебряных дел мастеру» Дмитриеву и лишь после этого идет заявить о своей находке правительственным чиновникам. О чем это говорит? Конечно, о том, что у «людей низкого сословия» были свои авторитеты, свои мнения и накоплен практический опыт, который ценностью своей не ниже, может быть, а выше тех знаний, какие имелись у иноземных специалистов.

Особенно ярко это раскрылось в дальнейшей истории золотопромышленности. Почти 70 лет разработка золота давала самые жалкие результаты. Из иноземных специалистов работали Вейдель, Маке, Ирман и др., но счет добычи шел на пуды в течение года. Но вот Л. И. Брусницын открыл простой способ промывки золотоносных песков. Этот способ, который можно было применить и к жильному золоту, буквально произвел переворот в золотой промышленности, бесконечно упростив и расширив ее возможности. В сводочных таблицах по добыче золота это видно со всей отчетливостью. Если за пятилетие до открытия Брусницына в стране было добыто 84 пуда золота, то через 10 лет после этого было получено за пятилетие 2000

пудов, дальше пошло 3, 5, 8, 10, 11, 12 тысяч пудов. Удивляет не один количественный рост добычи золота, но и широчайшее развитие золотой промышленности. После открытия Брусницына золото стали добывать не только по всем заводским округам Урала, но эта добыча перекинулась и в далекую Сибирь, и город на некоторое время стал центром всей золотопромышленности нашей страны. Переброску поисков в Сибирь произвели старообрядцы Рязанов, Харитонов, Расторгуев и др. Можно с уверенностью говорить, что эти во всяком случае не могли учиться у правительственных чиновников, от которых они всегда сторонились. Ясно, что и здесь дело шло тем же путем, который обычно не отражался в официальной истории.

Еще один пример. На этот раз из ряда отрицательных.

Город в течение 28 лет жил на «сухом законе», т. е. не имел продажи алкогольных напитков. Но вот он попадает в черту откупов, и какой-то «екатеринбургский обыватель Андрей Грек» наводняет город таким количеством кабаков, что это тревожит агентов правительства. В преамбуле тобольской губернской канцелярии по этому поводу говорится: «От всегдашнего пьянства мастеровые люди в совершенное безумие приходят, и мастерства доброго лишаются, и делать железа мягкого против указанных сортов пьянство не допускает, и на пристанях от постанковки кабаков во время отпуску стругового с железом не без повреждения бывает для того, что работники, напившись пьяные, а паче струговые сплавщики, от быстроты реки Чусовой в пьянстве струги с железом разбивают, и между собой великие драки у пьяных бывают, что друг друга до смерти убивают».

Как видно из документа, правительственные агенты не сами развертывали питейное дело. Позаботился об этом Андрей Грек, который, видимо, заранее хорошо рассчитал свое предприятие и сразу так его поставил, что испугал тобольскую канцелярию.

Таких не изученных, а порой и вовсе не поставленных вопросов в истории нашего города очень много. И все это потому, что до сих пор пользовались односторонними источниками. В результате и получилась история начального периода города, как она зафиксирована представителями власти. В действительности, как я пытался доказать, город рос и развивался в крупный для того времени центр горнозаводской жизни не всегда так, как это казалось его руководителям.

Сравнивая старый Екатеринбург с Пермью, которую мне пришлось тоже хорошо знать, припоминаю, что меня поражала пестрота званий домовладельцев здесь. В Перми на досках при каждом доме чаще всего видел: мещанин такой-то, купец такой-то. В Екатеринбурге же, что ни дом, то разное звание: титулованное имя, наследники унтер-шихмейстера, рязанский 2-й гильдии купец, уфимский, костромской, иностранная фамилия и реже, кажется увидишь мещанина города. Что создало этот конгломерат, что принесли они городу, почему осели тут?

Почему в городе было так много магазинов и лавок, торговавших железными изделиями? Каким путем обходилось запрещение «огнедействующих» предприятий в городе? Почему город

стал перевалочным местом для больших партий сала? Действовала ли тут железнодорожная станция, или в значительной степени участвовал «железный центр», притягивавший степь?

Совершенно неизученными у нас остаются такие явления, как работа на Урале практиков заводского дела, в том числе и тех, кто получил какое-то образование и стал известным. Что мы знаем об учебе И. И. Ползунова, о первых шагах К. Д. Фролова? А плотинные мастера, доменщики и другие? Я уже упоминал об огромном значении открытия Брусницына, а что мы знаем о нем?

Свое высказывание я и хочу свести к тому, чтобы при разработке научной истории города внимание исследователей было направлено на поиски тех новых фактов, которые до нашего времени оставались не освещенными, а значимость их не меньше многих, широко известных и подробно описанных событий.

Только при этом условии мы сможем создать историю, в которой был бы показан вклад в строительство металлургии Урала, сделанный самим народом, лучшими его представителями.